
Б. И. ЯЦЕНКО

Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве»

«Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луде жь бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону“».¹

М. А. Максимович назвал начало Игоревой песни «ключом к ней».² Но чтобы воспользоваться этим ключом, нужно решить немало вопросов. Почему, например, автор «Слова» начинает рассказ о походе с солнечного затмения, которое фактически произошло на девятый день похода? Почему князь Игорь призывает к походу, зная, что затмение может предвещать несчастье и гибель? Почему, наконец, Игорь Святославич ставит перед князьями и дружиной альтернативу — смерть или плен, если поход еще не начался?

Сложнейшие мотивы поведения северского князя Игоря объясняли еще в XIX в. удалью, жаждой славы, неосмотрительностью или даже безрассудством. А. Веселовский, у которого немало интересных наблюдений по «Слову», тем не менее писал: «Можно бы ожидать, что автор остановится на фактах героизма и мужества, но он предпочел такие непривлекательные черты, как поражение, плен, трусливое бегство».³ Веселовский считал «Слово» сатирой на «дряблкое общество» XII в.⁴

Возможно, сам исторический факт, легший в основу «Слова о полку Игореве», в некоторой степени способствовал тому, что осуждение князя Игоря получило широкое распространение в научной литературе. К тому же современники Игоря Святославича оставили не очень лестную оценку похода северских князей на половцев в 1185 г. Новая агрессия половцев, которые прорвали единую линию обороны, принесла много бед, разорила пограничные области, прежде всего — Переяславскую землю. Неудивительно, что в Лаврентьевской летописной повести дана резко отрицательная оценка похода Ольговичей, осуждается их погоня за славой в ущерб общим интересам: «Мы есмь ци не князи же, поидем такы же себе хвалы добудем».⁵ Но, «не ведуще божья строенья»,⁶ возгордившись, они были унижены поражением и пленом.

¹ Текст «Слова о полку Игореве» в статье цитируется по изданию: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 10.

² М. А. М а к с и м о в и ч. Спор о вѣщм Бояне. — Киевская старина, т. LXIII, 1898, ноябрь, с. 243.

³ А. В е с е л о в с к и й. Очерки и наброски из старой и новой литературы. — Вестник Европы, 1898, кн. 1, с. 118.

⁴ Там же, с. 121.

⁵ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 397.

⁶ Там же, стлб. 398.

Киевский летописец ищет более серьезные причины неудачи Игоря, его не удовлетворяет богословско-морализаторская позиция. Он считает, что поход северских князей был не согласован с великим князем киевским Святославом; черниговская помощь (ковуи) оказалась очень ненадежной; между князьями — участниками похода не было согласия по некоторым вопросам, и т. п. Не последнюю роль в поражении Игоря сыграло, как считает летописец, солнечное затмение, которое в значительной степени деморализовало воинов.

Солнечные затмения и другие природные явления воспринимались нашими предками как предвестники беды. В летописях какому-нибудь несчастью нередко предшествует взволнованный рассказ о необычайном знаменении. Люди видели прямую связь между ними: «Знаменья бо въ небеси, или въ звездах, или въ солици, или птицами, или етером чим, не благо бываеть, но знаменья сича на зло бывають, или проявление рати, или гладу, или на смерть проявляеть».⁷

Киевский летописец почти всегда последователен. Рассказав о затмении, он сообщает и о несчастье: в 1065 и 1092 гг. — об усобицах и нашествии поганых на Русскую землю;⁸ в 1113 г. — о смерти Святополка Изяславича;⁹ в 1115 г. — о смерти Олега Святославича;¹⁰ в 1161 г. лунное затмение предшествует смерти Изяслава Давидовича,¹¹ и т. д. Но в летописи встречается и противоположное толкование затмений. Летописец считает, что в 1102 г. затмения предрекли победу над половцами, одержанную в следующем году: «Знаменья бо бывають ово же на добро, ово же на зло; яко и си знаменья быша на добро».¹²

Именно это обстоятельство определило двойственное отношение к затмению в киевской летописной повести о походе 1185 г. Здесь Игорь не выступает против «божьего промысла», но в некоторой степени игнорирует знамение: «Нам что створить бог или на добро, или на наше зло, а то же нам видити».¹³ Летописец не говорит прямо, но намекает, что дерзость Игоря будет наказана. Эта мысль наиболее четко была сформулирована в поздней Густинской летописи (XVII в.): «И в то время бысть затмение солнца, а се знамение не на добро бываеть; Игорь же единаче поиде не ради о том».¹⁴

Мы не ставим себе целью вскрыть здесь действительные причины похода или истинное отношение Игоря к затмению. Нас интересует только поэтическая интерпретация этого факта в «Слове». Именно солнечное затмение является ключом ко многим проблемам историко-литературного анализа этого памятника, от решения которых зависит не только определение стимулов и цели похода Игоря, как они представлены в «Слове», но и расшифровка его исторической информации. Какова же роль солнечного затмения в «Слове» и как относится к нему Игорь?

Автор «целиком принадлежит своей эпохе. Поэтому наивно было бы его идеализировать, считая, будто он имел нынешние понятия»¹⁵ и мог оправдать любые действия против «божьего промысла». Более того, в «Слове» нет никакой возможности для двойственной оценки затмения

⁷ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стлб. 155.

⁸ Там же, стлб. 153, 205—206.

⁹ Там же, стлб. 274—275.

¹⁰ Там же, стлб. 282.

¹¹ Там же, стлб. 516.

¹² Там же, стлб. 252.

¹³ Там же, стлб. 638.

¹⁴ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, с. 319.

¹⁵ В. Перетц. Слово о полку Игоревім. Пам'ятка феодальної України — Руск XII віку. Київ, 1926, с. 21.

солнца: Игорь «видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрывъ» (разрядка наша).

На первый взгляд, роль солнечного затмения в «Слове» и в летописной повести совпадает. Но удивляла явная непоследовательность автора «Слова», который описывает затмение перед походом, а не на девятый день, как в киевской летописи. Поэтому, исходя из соображений «хронологической последовательности», О. Партыцкий,¹⁶ а позже А. Соболевский¹⁷ предложили перестановку в «Слове» абзаца о затмении после обращения к Бояну и сцены встречи братьев Святославичей.

Вряд ли нужно опровергать высказанное А. И. Соболевским предположение, что в «Слове» при переписке могла произойти путаница листов. Нельзя отрицать и тот факт, что солнечное затмение произошло в 1185 г. именно 1 мая, в среду. Это научно установлено. И все же нужно исходить из идеи сохранности текста «Слова» и соглашаться на реконструкции, когда все попытки прояснить текст исчерпаны.

Чем мотивируется сторонниками исправления текста «Слова» необходимость такой перестановки? Рассмотрим ряд доказательств, основанных как на анализе текста «Слова», так и его влиянии на «Задонщину». В 1956 г. их обобщил Н. К. Гудзий:¹⁸

1) в «Задонщине» последовательность двух эпизодов, соответствующих двум рассматриваемым нами абзацам „Слова“, согласуется с перестановкой Соболевского;¹⁹

2) перестановка обеспечивает последовательность восприятия, устанавливает «прямую словесную связь»²⁰ — «наведе своя храбрія плъкы на землю Половъцькую за землю Руськую. . . О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталь»;

3) перестановка устраняет «противоречие между „Словом“ и летописью относительно времени солнечного затмения», «явную астрономическую несообразность, состоящую в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды».²¹

В «Задонщине» широко использованы оригинальные поэтические приемы и образы, как например упоминание о бубнах на Коломне, беспокойстве новгородцев, которые не успели прийти на помощь князю Дмитрию, и др. Обращение к жаворонку, несмотря на близость к поэтике «Слова», тоже не имеет параллели в «Слове», так как автор «Задонщины» сохранил и обращение к соловью. Понятно, что можно сравнивать те отрывки текстов, смысл которых является общим для обоих памятников. Возражая В. И. Стеллецкому, который заметил, что в «Задонщине» все «перетасовано и дается в ином порядке»,²² Н. К. Гудзий писал: «То, что некоторые цитаты из „Слова“ в „Задонщине“ были использованы в слегка перетасованном порядке, не значит, что все эти цитаты использованы были „Задонщиной“ именно так».²³ Действительно, не все. В «Задонщине», например, сохранена та же последовательность в очень важном эпизоде: сначала идет призыв — «сядемь, брате, на свои борзи комони, испиемь, брате, шело-

¹⁶ О. Партыцкий. Слово о полку Игоревімъ. Львів, 1884, с. 14, 35.

¹⁷ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. II. Киев, 1888, с. 264.

¹⁸ Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 35—41.

¹⁹ Там же, с. 37.

²⁰ Там же, с. 39.

²¹ Там же, с. 37.

²² В. И. Стеллецкий. К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 51.

²³ Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке. . . , с. 37.

момь своимь воды быстрого Дону» (что соответствует призыву князя Игоря после солнечного затмения), а потом обращение: «Сѣдлаи, брате Одрѣи, свои борзи комони, а мой готови напреди твоих осѣдлаи»²⁴ (соответствует эпизоду встречи братьев Святославичей). Если сослаться на «Задонщину», то пример служит аргументом против перестановки.

Какая же смысловая последовательность спорных абзацев в обоих памятниках? В «Слове» Игорь увидел солнечное затмение, которое могло свидетельствовать о надвигающемся несчастье, и обратился к князьям и дружине с призывом выступить в поход. Далее следует обращение к Бояну, чтобы он воспел русские полки. Именно эта внутренняя логика сохранена и в «Задонщине», хотя картина менее поэтична. О нависшей угрозе великому князю Дмитрию Ивановичу сообщают съехавшиеся князья: «Господине князь великий, уже погании татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимаютъ, стоятъ межю Дономь и Днѣпромь, на рицѣ на Чечѣ». И сразу же сообщение о готовности выступить в поход: «И мы, господине, поидемъ за быструю рѣку Донѣ, укупимъ землямь диво, старымъ по вѣсть, а младымъ память».²⁵ Князь Дмитрий поощряет своих соратников. За этим следует авторское обращение к соловью: «Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрѣя Половетцаго, Дмитриа Брянскаго. Ти бо бяше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поютъ, под шелома възлелѣваны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли».²⁶ Таким образом, и автор «Задонщины» обратился к соловью, чтобы воспеть боевые полки. Такова последовательность в Кирилло-Белозерском и в других списках «Задонщины».

Методологически вообще едва ли правомерно сравнивать «Слово» с «Задонщиной», в которой все дается в ином порядке, и на основании этого делать перестановки в тексте «Слова». Ведь достаточно одной непоследовательности, чтобы аргумент потерял свою доказательность.

Сторонники перестановки считают, что вслед за фразой «наведе своя храброя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую» должно идти обращение к Бояну воспеть «сиа плѣкы». Но ведь из предыдущего абзаца мы ничего другого не узнаем о полках, как только то, что они «храброя». Кроме того, если автор «Слова» призывает Бояна воспеть Игоря, внука Олегова, и его поход: «Не буря соколы занесе чрезу поля широкая — галици стады бѣжатъ къ Дону великому», — то упоминание Дона здесь закономерно, так как у же известно о решении князя Игоря «главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». Только полки, готовые повторить подвиг Мономаха, достойны быть воспеты Бояном. И в этом случае перестановка невозможна, так как прервала бы смысловую связь.

В дискуссии о перестановке значительное место отводится встрече братьев Святославичей. На первый взгляд, автор «Слова» придерживался такой же, как и в летописи, последовательности эпизодов — затмение (1 мая) и встреча Игоря с Всеволодом на Осколе (3 мая). Но, как заметил Б. А. Рыбаков, к встрече братьев на Осколе «дислокация войск Игоря... была уже такой, что все курские земли были не „напереди“, а позади Игоря».²⁷

Действительно, при любом, пространственном или временном, значении «напереди» встреча Игоря и Всеволода в «Слове» предшествует выступ-

²⁴ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликковского цикла. М.—Л., 1966, с. 549.

²⁵ Там же, с. 548—549.

²⁶ Там же, с. 549.

²⁷ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 38.

лению Игоря в поход. Нельзя не согласиться с Н. К. Гудзием, что встреча состоялась «перед самым походом».²⁸ Этим как будто подтверждается необходимость перестановки: Всеволод предлагает седлать коней, и Игорь велит сесть на коней. Но в таком случае все эти события — обращение Всеволода, солнечное затмение и призыв Игоря — произошли в одно и то же время, т. е. «перед самым походом». Таким образом, и здесь перестановка не обеспечивает той «хронологической последовательности», какая имеется в киевской летописной повести. «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты». Когда — «тогда»? Дальнейший текст подсказывает, что это было перед походом. Посмотрев на солнце, князь обратился к дружине: «А всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону». По средневековой терминологии, «сесть на коня» означало «выступить в поход», и в «Слове» этот термин оживает, превращается в действие; как заметил Д. С. Лихачев, «вскрывается, возрождается первоначальный образ».²⁹ Солнечное затмение предшествует выступлению Игоря — такова внутренняя логика абзаца. И куда бы ни переставляли его, эту логику изменить нельзя.

Наконец, о противоречии между «Словом» и киевской летописной повестью относительно времени солнечного затмения. А существует ли это противоречие? Ведь в «Слове» время затмения не фиксируется. Тьма появляется перед походом и проходит через все произведение: «... видѣ отъ него тьмою. . . воя прикрыты»; «... солнце ему тьмою путь заступаше»; «... на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла», и т. д. К теме солнечного затмения автор возвращается и в обращении к Роману Мстиславичу, союзнику Ольговичей в феодальных войнах 90-х годов XII в.: «Нъ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони».

Именно это обращение свидетельствует о том, что в «Слове» солнечное затмение имеет иной смысл, чем просто описание конкретного астрономического явления. Тема борьбы света с тьмой, традиционнo-библейская в своей основе, проходит через все произведение, и солнечное затмение в «Слове» не только и даже не столько — воспроизведение реального события, сколько поэтический образ. Лишь избавление Игоря из плена и его возвращение способствуют наступлению света, тьма рассеивается: «Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли». Таким образом, затмения в киевской летописной повести и в «Слове» имеют разное функциональное значение: в летописи оно выступает как знамение, предостерегающее от необдуманного шага, а в «Слове» — это символ бедственного положения Русской земли. Автор «Слова» использовал образ солнечного затмения, чтобы дать наиболее точную характеристику реальной опасности, в которой оказалась Русская земля в борьбе с «погаными».

Этим можно объяснить и необычную последовательность эпизодов в «Слове». Начав свой рассказ с описания затмения и выступления князя Игоря в поход, автор «Слова», восхищенный мужеством русских воинов, обращается к вещему Бояну с предложением воспеть Игоря, его полки, делает несколько проб в духе Бояна. Повторным «тогда» — «Тогда вступи Игорь князь въ златѣ стремь и поѣха по чистому полю» — автор возвращается к рассказу о походе. Именно этот повтор обеспечивает как бы непрерывность восприятия, делает рассказ цельным, и обращение к Бояну, в котором восхваляются воины-куряне, воспринимается как лирическое отступление, не имеющее отношения к затмению.

²⁸ Н. К. Гудз и й. Еще раз о перестановке. . . , с. 38.

²⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 77.

Образ солнечного затмения — поэтический прием автора «Слова», с помощью которого он стремится оправдать Игоря и его поход. Игорь идет навстречу гибели, чтобы отвести беду от родной земли: «Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти». Эти необычные, парадоксальные слова в устах князя, призывающего к походу, свидетельствуют о том, что Игорь осознал грозящую опасность. Это не те традиционные слова, которые говорят князья перед боем. Они сказаны перед походом. Лучше идти навстречу врагу и с честью умереть в бою, чем быть плененным, оставшись дома, — вот смысл обращения Игоря к воинам. Как считает автор «Слова», поход князя Игоря был предпринят в целях обороны, «за землю Руськую».

Может возникнуть возражение: разве мог автор «Слова» возводить князя, опозоренного неудачей, в ранг народного героя? Конечно, не могли в 1185 г., ни даже в 1187 г., когда еще были свежи воспоминания о неудачном походе и не все воины вернулись из плена. Мысль о том, чтобы использовать сюжет похода 1185 г. для прославления князя Игоря, могла появиться у автора «Слова» немного позже. Но когда?

Нам представляется весьма удачной попытка Н. С. Демковой пересмотреть датировку «Слова о полку Игореве» в хронологических рамках XII в.³⁰ Конкретные датирующие данные, использованные в статье, убедительно свидетельствуют, что «Слово» было написано после смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.). Но крайний временной предел появления «Слова» — до смерти «буи тура» Всеволода (май 1196 г.) — в статье Н. С. Демковой мало обоснован. Единственный аргумент, что «в конце „Слова“ читаются „слава“ и „здравица“ в честь трех князей — участников похода 1185 г. — Игоря, Всеволода и Владимира»,³¹ т. е. Всеволод был еще жив.

Однако заключительная часть «Слова» истолкована Н. С. Демковой не совсем точно. Автор «Слова» провозглашает «славу» трем князьям — Игорю Святославичу, «буи туру» Всеволоду, Владимиру Игоревичу — и продолжает: «Здрави князи и дружина, побарая за хрстьяны на поганых плъки». Здесь «здравица» в честь всех князей и воинства русского, которые защищают Родину. Провозглашение «славы» — еще не достаточное свидетельство, что Всеволод к тому времени был жив. Автор может рассказывать о событиях, вспоминая о дедовской и прадедовской славе. Слава не умирает, а как бы переходит в наследство потомкам.

Политическая характеристика, данная Игорю Святославичу в «Слове», не могла возникнуть в 1194—1196 гг. И после смерти Святослава Киевского Игорь оставался подручным князем и не оказывал решающего влияния на политические события Руси. Старейшим же среди Ольговичей тогда был Ярослав Всеволодович — феодальный глава всех черниговских и северских князей. Но интересно, что в «Слове» нет обращения к Ярославу. Более того, здесь читаем фразу, в которой явно ощущается укор Ярославу: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава», — говорит Святослав Киевский.

Д. С. Лихачев считает, что здесь упрек «направлен отчасти и по адресу Ярослава — князя могучего, но не сумевшего сдержать своих подручных князей: „Не вижу я уже у власти и вашего феодального главы“». ³² Нам кажется, что эта фраза не только упрек, но более резкое осуждение Яро-

³⁰ Н. С. Демкова. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1973, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 72—77.

³¹ Там же, с. 72—73.

³² Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — В кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 434.

слава как политического деятеля. Именно так написал летописец о крахе киевского князя Игоря Ольговича, побежденного Изяславом Мстиславичем в 1146 г.: «И тако скончася волость Игорева».³³ В «Слове» тот же смысл — «Уже не вижду власти. . . брата моего Ярослава». Так мог писать только политический противник Ярослава. Но он не мог еще прославлять Игоря и не принимать во внимание Ярослава Черниговского в 1194—1196 гг., когда Ольговичи выступали как единая политическая сила.

Кроме того, автор «Слова» везде называет Чернигов «отним златым столом» Игоря и Всеволода Святославичей, игнорируя старейшинство и несомненное право на Чернигов князей Всеволодовичей. Если учесть, какой острой была борьба за Чернигов между Святославом и старшим братом Игоря Олегом (1164—1179 гг.), то напрашивается вывод, что автор мог назвать Чернигов «отним столом» Игоря лишь после смерти Ярослава, когда Игорь стал владетельным господином в Чернигове. Нам представляется, что время написания «Слова» следует ограничивать 1198—1202 гг.

«Слово о полку Игореве» не могло появиться раньше 1198 г. еще и потому, что здесь очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.: «Всеволод может «Донъ шеломы выльяти». Хотя в Лаврентьевской летописи поход Всеволода датирован 1199 г., он состоялся в 1198 г. Это легко проверить по дальнейшим записям: Всеволод возвратился из похода 6 июня, в субботу, т. е. в 1198 г. Кроме того, 25 июля 1198 г., в субботу, «бысть пожаръ великъ в градѣ Володимери».³⁴

Рассказывая о подвигах Романа Волынского, автор перечисляет побежденные им народы: хинова, литва, ятвяги, деремела, половцы. Летописи фиксируют походы Романа против половцев в 1202 и 1205 гг. Хотя многие исследователи считали, что первый поход Романа на половцев мог быть и раньше, только Н. Ф. Котляру удалось доказать это с научной достоверностью.³⁵ Расшифровав сообщения Никиты Хониата, он доказал, что первый поход Романа на половцев состоялся в 1197 или 1198 г.

Восторженная военная характеристика, данная Роману в «Слове», может относиться только к 1195—1198 гг., когда волынский князь был союзником Ольговичей в феодальных войнах за передел Русской земли. В 1199 г. князь Роман захватил Галич и стал врагом Игоря и его сыновей, внуков Осомысла, которые тоже претендовали на Галицкое наследство. Значит, «Слово о полку Игореве» было написано в 1198—1199 гг., — после вокняжения Игоря Святославича в Чернигове и до захвата Романом Мстиславичем Галича.

События 1185—1198 гг. и определили характер описания «сего времени» в «Слове». Крайне сложным и неустойчивым было равновесие сил, возникшее после войны 1195—1196 гг. Автор «Слова» отлично понимал, что нужны смелость и мужество в решении политических и военных вопросов. Такими качествами руководителя, по мнению автора, обладал князь Игорь Святославич Черниговский: как телу без головы, так «Русской земли безъ Игоря». На эту идею «Слова» указал еще П. П. Вяземский: «Певец Игорев... ничего не имел другого в виду, как представить кандидата для защиты единства родного племени».³⁶

«Свивая славы обаполы сего времени» — славу Игоревы похода (как его понимал автор) в 1185 г. и славу великого князя черниговского в 1198 г., автор «Слова» создал широкую картину общественно-политических отношений на Русской земле в конце XII в.

³³ ПСРЛ, т. I, стлб. 313—314.

³⁴ Там же, стлб. 415.

³⁵ М. Ф. Котляр. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? — Український історичний журнал, 1965, № 1, с. 117—120.

³⁶ Замечания на «Слово о полку Игоревѣ» кн. Павла Петровича Вяземского. СПб., 1875, с. 483.